

— Раз ты только что прошёл через Дверь, многого ещё не знаешь, — Кай небрежно оперся о рояль, словно не осознавая чудовищности собственных недавних слов.

В точности как выдавал его взгляд — существо, следующее инстинктам и принимающее любые желания. Будь то страсть, жажда убийства или что-то иное — он принимал их без тени стыда или сомнения.

Подобная беззастенчивая погоня за удовольствиями в сочетании с болезненно красивым лицом превратилась бы в водоворот безумия, затягивающий и лишаящий рассудка каждого, кто приблизится. К счастью, он держался особняком. К счастью, его нынешнее лицо выглядело до безобразия обычным.

Дун Цзинь проигнорировал неприкрытое внимание собеседника и вновь опустил на банкетку, жестом предлагая продолжить.

— В этот отель через Дверь стекаются злодеи разных рас из разных вселенных и времён.

Заметив, что Дун Цзинь вновь смотрит на него, Кай едва заметно усмехнулся:

— Разумеется, я не считаю свои поступки непростительным злом. Видишь ли, я просто ищу развлечений.

— Пока мне весело, всё остальное не имеет значения.

"Надменный, своевольный, крайне эгоистичный гедонист", — пронеслось в голове Дун Цзиня, когда Кай спросил:

— А что сделал ты?

Дун Цзинь ответил такой же улыбкой.

В отличие от пустой и беззаботной усмешки Кая, улыбка Дун Цзиня вышла сдержанной. Но эта сдержанность в сочетании с алыми узорами в уголках губ порождала неизъяснимое очарование жути.

Особенно когда Кай услышал ответ:

— О чём ты? Меня никогда не называли злодеем. Я общепризнанный спаситель мира.

"Какой ещё спаситель? Спаситель злодеев?"

Кай, уже бессчётное количество раз за их короткую встречу ощутивший необъяснимое влечение к собеседнику, не стал развивать тему. Он гнался за удовольствиями и наслаждался самой погоней. Поэтому в следующий миг просто продолжил добросовестно просвещать новоприбывшего:

— Каждые три дня мы проводим чаепитие в пентхаусе. Сегодня в три часа дня как раз начнётся новый раунд. Я проведу тебя туда.

— Из-за Двери чужаки временно не могут покинуть отель, а ближайший к ней пентхаус обрёл особую силу. В той комнате никто не способен солгать.

"Не зря сыграл эту мелодию", — Дун Цзинь мысленно отметил важность правильного выбора друзей, получив столько ключевой информации разом.

— Большинство пришедших через Дверь — мусор с раздутым самомнением. Даже в условиях ограниченной подвижности, когда нельзя устроить полноценную драку, они с упоением хвастаются своими "подвигами" на чаепитии.

— По его окончании проводится анонимное голосование, где выбирают двух лидеров среди пришельцев. На следующий день избранные встречаются с местными.

— По сравнению с чужаками, здешние злодеи куда интереснее... — на обычно бесстрастном лице Кая промелькнуло что-то похожее на одобрение. — По крайней мере, они честны в своих тёмных желаниях.

— Даже зная, что мы — отъявленные негодяи из других миров, или скорее именно поэтому, зная, что мы — зло иного уровня, они становятся только более возбуждёнными и покорными.

— Некоторые преодолевают тысячи миль, чтобы добраться сюда, готовые исполнить любой каприз пришельцев — даже если придётся собственными руками взорвать город под их ногами.

"Похоже, моя вторая догадка ближе к истине", — размышлял Дун Цзинь. Никаких угроз или тайных умыслов — просто прибежище зла, куда все приходят добровольно. В таком случае,

действовать дальше будет проще — никаких моральных ограничений.

Погрузившись в размышления, он всё же поддержал разговор:

— Возможно, они хотят увидеть искусство зла в исполнении нечеловеческих существ?

— Искусство? Ты про эти однообразные взрывы по всему городу? — Кай коротко рассмеялся. Хотя его лицо не выражало и тени насмешки, золотистые равнодушные глаза источали какое-то высокомерное осуждение. Очевидно, упомянутые им пришельцы и их взрывы даже близко не дотягивали до его стандартов.

— Они приказывают людям устраивать взрывы, чтобы разрушить защитный барьер под Городом Начала. Хотят высвободить полную силу Двери и обрести свободу передвижения.

— Любое действие с чёткой целью перестаёт быть искусством, — его голос сочился пренебрежением. — Эти оглушительные, лишённые всякой эстетики взрывы не порождают и капли радости — только скучную панику.

— К счастью, осталось всего семь дней. Я как-нибудь потерплю.

— Когда эти идиоты уберутся, не устроишь ли праздник со мной?

Дун Цзинь не стал комментировать своеобразные представления пришельца об "искусстве" или его откровенно антисоциальные наклонности. Вместо этого он уловил важную деталь — Каю не

правились идея уничтожения Города Начала взрывами.

Судя по тому, что никто — ни люди, ни монстры — не возражал против его ночной игры на рояле в холле, он вполне мог быть одним из двух избранных лидеров.

Раз Кай ненавидел взрывы, но молча принимал планы второго лидера по уничтожению города, значит, он не вмешивался в чужие дела. А если так, то стоит только Дун Цзиню сместить неизвестного конкурента, и что бы он ни затеял, Кай останется безучастным. Более того, все грехи можно будет свалить на предшественника.

"Получается, он идеальный партнёр?" — рассматривая Кая как потенциальный инструмент, Дун Цзинь не стал отвергать его двусмысленное предложение:

— Не нужно ждать семь дней. Сразу после сегодняшнего чаепития я начну свой праздник.

Эти слова прозвучали как заявление — после чаепития он непременно станет лидером.

Высокая фигура Кая невольно подалась вперёд от рояля. Полуприкрыв глаза, он загадочно разглядывал собеседника — если судить по внешности, единственным преступлением Дун Цзиня была его завораживающая красота.

"Что же он натворил, раз так уверен в победе над этими безумцами, живущими на острие ножа?"

В этот момент Кай вновь ощутил смертельное притяжение, исходящее от самой души собеседника.

Обычно холодная кровь закипела в жилах помимо воли, а крылья, распахнувшиеся при первых звуках "Короля демонов" и с трудом загнанные обратно в тело, снова рвались наружу.

В полумраке ночи шесть чёрных крыльев, наконец вырвавшихся на свободу, не несли и намёка на святость. Они источали лишь дрожь искушения, зовущую к падению.

— "Буря" тебе не подходит, — глубокий голос Кая зазвучал среди теней от колышущихся крыльев. — Тебе больше подошло бы крепкое вино карнавала.

— Когда оно льётся по тебе, один взгляд обжигает лёгкие. А стоит поджечь — и жар сводит с ума, перехватывает дыхание.

"Подожгут меня с вином — и прощай жизнь", — мелькнуло в голове Дун Цзиня.

Небрежное или намеренное сравнение Ка Лэ заставило Дун Цзиня замереть, машинально поигрывая зонтом. Его внимание особенно привлекли неоднократные упоминания "бури".

В этой неуловимо напряжённой атмосфере Ка Лэ сам произнёс прощальные слова:

— Буду ждать тебя на крыше в три часа дня.

Дун Цзинь, довольный результатами встречи, неторопливо поднялся и направился к лифту холла с той же размеренностью, что и при появлении. Именно поэтому он не заметил во взгляде Ка Лэ, следящем за его спиной, ни затаённого желания, ни простирающейся опасности.

Вернувшись в номер 1001, Дун Цзинь отбросил прежнюю невозмутимость и рухнул на кровать с мрачным лицом. Его беспокоил не жадный интерес Ка Лэ — причиной стали новые строки, проявившиеся на примитивной игровой панели.

При первой встрече Ка Лэ сказал: "От тебя пахнет бурей". Из-за особой атмосферы момента Дун Цзинь решил, что это просто неосознанный флирт. Но когда Ка Лэ упомянул "бурю" второй раз, инстинкт самосохранения, отточенный бесчисленными столкновениями со смертью, подсказал — он что-то упускает.

Почему ни один из преступников на десятом этаже не осмелился его проверить? Почему пять минут назад Ка Лэ, с его врождённым высокомерием, без тени сомнения заявил "я знаю, что ты — иной"?

Неужели дело только в его сверхъестественной внешности? Или в искусной маскировке бинтами и красными метками?

Да, его облик граничил с нечеловеческим, но не до такой степени, чтобы лишать других рассудка. А маскировка, при всём её мастерстве и оригинальности, не была настолько безупречной, чтобы иные существа мгновенно признали его своим.

Что же тогда послужило причиной?

Осознав это, Дун Цзинь, оказавшись в пустом лифте, решительно открыл игровую панель, порождённую его даром. Всего за короткое время без проверки на знакомом до мельчайших деталей экране появились надписи, заставившие его замолчать.

Первое изменение обнаружилось в разделе личного статуса. К строке "Здоров (оставшаяся продолжительность жизни: 6 суток)" добавилась пометка "(отмечен богом, наблюдаем богом)".

Какой бог имелся в виду?

Ведь в высшей вселенной каждому божеству или демону даётся лишь один шанс выбрать испытуемого в "Божественном Отборе". Избранные могут односторонне использовать силу своих покровителей во время испытаний, и до завершения семи этапов божества не могут отозвать свой выбор.

Сила богов не даётся просто так. Выбирая себе слуг, подчинённых, наследников или кого-то ещё, они тщательно наблюдают и взвешивают каждое решение. Даже заметив кого-то, они сперва присылают дары — своеобразную оливковую ветвь. Лишь получив ответ от избранника, они тратят на него право выбора.

Ритуалу "Божественного Отбора" больше десяти тысяч лет. За всю его историю, от начала времён до нынешних дней, Дун Цзинь никогда не слышал, чтобы кто-то был избран богом менее чем через час после начала испытаний.

Круг общения Дун Цзиня был крайне ограничен. За всю жизнь он знал лишь одно божество. Поэтому, увидев новое описание статуса, он уже догадывался о личности этого бога. Когда его взгляд скользнул ниже, к разделу навыков, предчувствие подтвердилось.

Появились два новых навыка: "Око ночи" и "Призыв истинного имени".

Название: Око ночи

Описание: Отмеченный взором бога ночи, ты обрёл глаза, способные всматриваться во тьму.

Эффект: При активации ночь не может скрыть от тебя ничего, а другие не могут заметить тебя во тьме.

Оценка: Хлоп-хлоп-хлоп! Аплодисменты, кружись, прыгай! Милый, ты просто невероятен. Быть избранным богом в первую же секунду "Божественного Отбора" — такого не случилось ни до, ни после тебя. Кстати, знаешь что? Я тоже выбрал тебя.

Название: Призыв истинного имени

Описание: Он — "Темпеста", бог ночи и драмы.

Эффект: Произнеси его истинное имя, и он ответит на твой зов.

Оценка: Милый, кажется, я недостаточно бурно радовался! Ты не просто самый быстроизбранный в истории, но и самый быстроузнавший истинное имя бога. Насколько же он должен быть очарован тобой, чтобы после полного разорения всё ещё тайно преподносить тебе дары? Конечно, если позовёшь меня по имени, я тоже отвечу.

Появление новых навыков и игривые комментарии вселенского разума, обожающего зрелища, перевернули все мысли Дун Цзиня. Насколько он знал, объём заимствуемой у божества силы и количество получаемых навыков зависели от совместимости с богом и взаимной симпатии.

Но каковы были его отношения с Лэй Мином, он же Темпеста?

Вспоминая тысячу проведённых ночей, Дун Цзинь мог лишь горько усмехнуться. О совместимости говорить не приходилось, а будь на панели шкала расположения, симпатия Лэй Мина к нему определённо показала бы "-100".

И винить в этом стоило лишь самого себя.

Дун Цзинь, закрыв лицо руками, глубоко вздохнул. Тогда, борясь за выживание, он решил рискнуть всем, каждую ночь входя в бесконечные сновидения-подземелья. Каждый раз провал задания означал "уничтожение мира". В такой ситуации Дун Цзинь естественно считал Лэй Мина злым богом и прилагал все усилия для прохождения.

Но чем дальше, тем сильнее он чувствовал — что-то не сходится.

Лэй Мин, судья мира снов, никогда не вмешивался в прохождение подземелий другими. Он лишь небрежно полулежал на божественном троне в пустоте, равнодушно наблюдая за их отчаянной борьбой.

При его явной неприязни к хлопотам наказание "уничтожением мира" никак не вязалось с его характером. Он больше напоминал скучающего фермера, который лишь после успешного прохождения очередной вселенной словно бы вдруг замечал, что его уголья пострадали от бури, и вяло объявлял результаты.

Так продолжалось до тринадцатого прохождения Дун Цзиня.

В тринадцатую полночь бог, прежде лишь взиравший с высоты трона, наконец заметил неладное и начал обходить свои владения, словно хищник. И обнаружил незваного гостя — Дун Цзиня.

Но даже как нарушитель, Дун Цзинь считался участником испытания, и Лэй Мин как судья по правилам не мог просто атаковать его. Так началась их бесконечная игра в кошки-мышки.

Дун Цзинь до сих пор помнил пятисотую ночь, когда их отношения достигли низшей точки. После очередного успешного прохождения не сумевший остановить его Лэй Мин словно достиг предела — ярость вспыхнула в золотых глазах неукротимым пламенем.

В тот раз участники из других вселенных уже покинули сон, а Дун Цзинь задержался из-за тяжёлых ран. В последнюю секунду перед выходом он увидел, как под бесконечным распространением тьмы весь мир снов взорвался перед его глазами.

Люди, предметы, небо и земля — всё поглотили бесконечный мрак и бескрайнее море крови.

С тех пор имя Лэй Мина стало для него символом той залитой кровью безлунной ночи, преследующей в каждом сне.

Позже Дун Цзинь догадался — Лэй Мин создавал такие миры снов, вероятно, потому что другие вселенские разумы заключили сделку с высшей вселенной, обменивая "уничтожение собственного мира" на ресурсы или что-то ещё.

Это была взаимовыгодная сделка между вселенными. Не случись непредвиденного, Лэй Мин как создатель и полу-банкир мог получить огромное количество энергии. Но появился он, непредвиденный фактор, и сделка с шансами успеха около 50% начала терять равновесие.

Дун Цзинь боялся даже представить, сколько божественной силы потратил Лэй Мин за тысячу

полночней и тысячу миров снов, и опустошила ли тысяча поражений подряд накопления многих лет.

Случись такое с ним самим, он выставил бы не "-100" симпатии, а все "-1000".

В этом свете Лэй Мин оказался довольно великодушен. Какими бы ни были его неясные причины и цели для выбора, уже то, что даже с отрицательной симпатией он дал полезный навык, заслуживало похвалы.

Но "Темпеста"...

Дун Цзинь мысленно произнёс это имя. Даже от такого случайного упоминания он словно пронзил пространство и на миг встретился взглядом с тёмно-золотыми глазами. В тот момент он ощутил себя добычей, за которой следит змея или кружит орёл.

Едва подавленная тревога вспыхнула с удвоенной силой. Одна мысль о том, что отныне каждой ночью он будет под наблюдением этого существа, лишила Дун Цзиня даже желания иронизировать.

Но именно этот взгляд помог понять всё, что прежде не складывалось в единую картину.

Лэй Мин сам был бурей. И его имя — "Темпеста" (Буря), и та всепоглощающая, почти безумная сила стихийного бедствия, исходившая от него, безмолвно воплощали саму суть бури.

А неотступный шлейф бури, окутывающий теперь Дун Цзиня, служил прямым доказательством божественного покровительства Лэй Мина. В такой уникальной и откровенной ауре кто бы принял его за человека?

Впрочем, хоть эта аура и облегчала прохождение подземелья, что это было — благословение или клеймо? Неужели теперь придётся специально маскировать запах духами при каждом выходе?

Дун Цзинь закрыл глаза, успокаивая взбудораженные мысли.

Хватит думать об этом безумце Лэй Мине. Все счёты между ним и этим божеством подождут до окончания испытания. Если даже сказка длится тысячу и одну ночь, его история не может оборваться на тысячной.

Отбросив мысли о Лэй Мине, Дун Цзинь сосредоточился на завуалированных намёках вселенского разума в оценках навыков. Что значит "я тоже выбрал тебя" и "я тоже отвечу"?

Он вспомнил об особой системе подсчёта очков в "Божественном Отборе" для определения лучшей вселенной. MVP каждого испытания серьёзно увеличивал показатели своей вселенной, а вселенский разум мог сам решать, какой вес придать каждому избраннику. Если выбранный им участник проявлял себя достойно, разум получал щедрую награду.

Значит, разум сделал на него крупную ставку в этом испытании?

— Вселенский разум, уже час ночи, ты спишь?

— Не спится.

— Повторить для тебя? Я дорого стою, очень дорого. Почему ты учишься только плохому и думаешь получить что-то даром?

— Если ты действительно выбрал меня, а я действительно получу несколько MVP или даже FMVP, то после окончания всех испытаний ты вернёшь мне мою удачу.

Конечно, вселенский разум их мира не мог просто так общаться с испытуемым. Но поскольку способностью их вселенной был "равноценный обмен", а Дун Цзинь лишь передавал сообщение, не нарушая баланс подземелья, его слова достигли разума ценой одной секунды жизни.

Сейчас разум не мог ответить. Но Дун Цзинь знал — иного ответа, кроме согласия, он не получит.

<http://bllate.org/book/13401/1193039>